

ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ

Ю. А. Артамонов

ВРЕМЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ АРХИМАНДРИТИИ

*Время короткого правления митрополита Ивана — 1164—1166 — было вообще временем уступок Византии, может быть, продиктованных политическим расчетом.
М. Д. Приселков. 1913 г.*

Звание «архимандрита» (ἀρχιμανδρίτης) на Востоке, надежно засвидетельствованное источниками уже в V в., мог носить игумен, поставленный местным архиереем управлять монастырями епархии [Цыпин, с. 577]. Кирилл Скифопольский (514 — ок. 557) сообщает, что иерусалимский патриарх Саллюстий возвел в сан архимандрита преподобных Савву Освященного (439—532) и Феодосия Киновиарха (ок. 424—539), после чего первый стал начальником и блюстителем интересов всех палестинских отшельников, а второй — насельников общежительных монастырей, расположенных вблизи Святого града¹. В компетенцию архимандрита входило учреждение новых монастырей и скитов, назначение игуменов, забота о безопасности и материальном достатке иноческих общин, защита их интересов перед третьими лицами, духовное попечение. В эпоху Древней Руси, в X — первой трети XIII в., эта практика по-прежнему имела известное распространение. Так, архимандрит Столпной лавры в Латре, основанной в 20-е годы X в. св. Павлом, управлял 11 соседними монастырями. Настоятель обители Святого Спасителя в Мессине в 1131 г. получил от сицилийского короля Рожера II (1095—1154) звание архимандрита и власть над 46 монастырями греческого обряда. В конце XII в. архимандриту Неофиту были подконтрольны все монашеские общины Афин [Соколов, с. 306].

Наряду с этим разновременные источники дают понять, что звание архимандрита могло принадлежать игумену, который не имел каких-либо властных полномочий по отношению к другим обителям. Принято считать, что в этом случае оно являлось почетным титулом, отличавшим настоятеля известного монастыря². По мнению Е. Е. Голубинского, в «смысле почетного титула

¹ Помяловский И. В. Житие святого Саввы Освященного, по рукописи Императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1890. С. 143—145.

² Согласно В. Цыпину, первоначально архимандритов назначали епископы для управления монастырями епархии. Но после того, как эта функция была возложена на великих сакеллариев, «звание архимандрита стало почетным титулом игуменов важнейших монастырей» [Цыпин, с. 577]. По мнению Л. В. Литвиновой, первоначально понятия «архимандрит» и «игумен» были синонимичны. Вплоть до середины VI в. разницы между первым и вторым титулами не существовало. Позднее звание архимандрита стали получать игумены, «которых император хотел почтить особо: подобно званию протосинкелла, этот титул становился только почетным, дающим право присутствовать на церемониях, процессиях, синодах; это был уже персональный титул, он давался игумену за личные заслуги, возможно, в той борьбе, которая предшествовала VII Вселенскому Собору». Уже к X в. «начальники больших и известных монастырей на Востоке стали именоваться архимандритами, а малых — игуменами» [Литвинова, с. 168]. И первое, и второе суждения, на наш взгляд, являются упрощениями.

игуменов старших монастырей имя архимандрита перешло и к нам в Россию» [Голубинский, 1881, с. 594]. Иная точка зрения на этот счет была высказана Я. Н. Цаповым и Е. И. Соколовой. Они выдвинули гипотезу о наличии на Руси городских объединений черного духовенства — архимандритий, которые имели особый статус и существовали одновременно с другими светскими и церковными институтами власти. Во главе такой организации стоял архимандрит — настоятель наиболее уважаемого монастыря, обладавший определенными политическими и административными функциями. Не уточняя содержания этих функций, исследователи отметили, что они могли осуществляться «вовне, по отношению к городу и его властям, епископу, и вовнутрь, по отношению к другим монастырям». Архимандрит, таким образом, являлся главой и блюстителем интересов монахов одного города [Цапов, Соколова, с. 40–43; Цапов, 1989, с. 157–158; Цапов, 2001; Цапов, 2004]. Наряду с действительными архимандритами Я. Н. Цапов и Е. И. Соколова допускали наличие на Руси и титулярных архимандритов, когда звание являлось только «почетным обозначением игумена наиболее авторитетного монастыря»³.

Летописи называют архимандритами настоятелей трех древнерусских обителей: Киево-Печерской (впервые под 6682 (1174) г.), Юрьевой в Новгороде (под 6734 (1226) г.) и Рождества Богородицы во Владимире на Клязьме (под 6738 (1230) г.). Благодаря В. Л. Янину лучше всего на сегодняшний день изучено объединение новгородских монастырей, глава которого составлял «катеорию новгородских вечевых магистратов». Его отличительными особенностями являлись выборность и сменяемость архимандрита, а также право быть настоятелем в Юрьевом монастыре при сохранении поста игумена в той обители, откуда он избирался [Янин, с. 238–240].

Однако первая архимандрития на Руси возникла в Киеве, в стенах Печерского монастыря, основанного в середине XI в. преподобным Антонием Печерским († 1073). С титулом архимандрита в древнерусской учительной литературе, летописных и агиографических текстах упоминаются печерские игумены: Поликарп (после 1156 – 1183⁴), Василий (1183 – после 1197), Акиндин (до 1226 – после 1231). Но, несмотря на сравнительно раннее происхождение киевской архимандритии, известно о ней значительно меньше, чем о новгородской. Так, например, до сих пор остается открытым вопрос о времени и обстоятельствах ее возникновения⁵. Свое видение решения этой проблемы автор излагает ниже.

Первое упоминание об «архимандрите Печерском» содержится в сообщении Ипатьевской летописи под 6682 (1174) г. о вокняжении в Киеве смоленского князя Романа Ростиславича (князь киевский в 1171–1173 и 1174–1176 г.)⁶: «Въ лѣтѣ 6682... приде Романъ Киеву и оусрѣтоша и съ крѣты митрополитъ . и архимандритъ Печѣрьскій . игумень и инии игумени вси . и Кияне вси и братья его»⁷.

В данном случае летописная хронология ошибочна: посажение Романа на главный стол Руси состоялось не в 1174, а в 1171 г.⁸ По мнению А. Поппэ, «составитель Киевской летописи перепутал год возвращения Романа на киевский стол (1174) с годом его первого вокняжения

³ «Тесная связь с сильной княжеской властью как монастырей, так и епископов Владимира препятствовала превращению черного духовенства в самостоятельный институт, и титул архимандритии был здесь принят и остался в XIII в., вероятно, как почетное обозначение игумена наиболее авторитетного монастыря» [Цапов, Соколова, с. 44].

⁴ Поликарп скончался 24 июля 1183 г. [Бережков, с. 201].

⁵ Не решенной в полной мере следует признать и проблему компетенции киевского архимандрита: располагал ли он какими-либо полномочиями по отношению к другим монастырям города, его общественным и публичным институтам, или же носил этот титул только как почетное звание.

⁶ Здесь мы не берем в расчет именование «архимандритом» печерского игумена Феоктиста в Ипатьевском списке Повести временных лет под 6616 (1108) г., которое является очевидным следствием поновления древнего текста: «Того же лѣта вложи Бѣ въ срѣце анхимандриту . игумену Печерьскому . нача понужати Феоктисть Стополка княза . вопсати Федосья . в синаникъ . Бѣу тако изволюшю . Стополкъ же радъ быѣ вообѣщася створити се . и се вѣды житье его . и нача Стополкъ оузвѣщати житье Федосьево . и велѣ и вписати в сѣнаникъ» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 259).

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 568.

⁸ «В лето 6679... седе на столе в Киеве Роман Ростиславиць» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 222).

(1171)» [Поппэ, с. 460]. Исходя из не вполне аргументированного предположения, что Киево-Печерский монастырь находился под покровительством киевского князя и поэтому на него не распространялась юрисдикция митрополита, польский историк полагает, что титул архимандрита его настоятель получил непосредственно от константинопольского патриарха Михаила III (1170–1178), который благоволил к монашеству и пользовался его поддержкой. Таким способом предстоятель Константинопольской церкви рассчитывал преодолеть разногласия в русском обществе по вопросу о постах, которые вылились в прямой конфликт между киевским митрополитом греком Константином II (1167–1170) и печерским игуменом Поликарпом (см. ниже). Михаил III пожаловал настоятеля Киево-Печерского монастыря «почетным званием архимандрита» и поставил на кафедру нового митрополита грека Михаила II, который по прибытии в Киев летом 1171 г. уведомил Поликарпа о патриаршей милости⁹. Здесь, правда, следует оговориться, что вопрос датировки возникновения киевской архимандритии для А. Поппэ не имел самостоятельного значения. Эта проблема была поднята им в связи с гипотезой о пребывании на Руси в 70-е годы XII в. митрополита грека Михаила II, неизвестного древнерусским источникам, но упоминаемого в синодальном постановлении константинопольского патриарха Михаила III от 24 марта 1171 г. (Μιχαήλ Ρωσίας) [Поппэ, с. 460].

Я. Н. Щапов считал, что инициатива почтить настоятеля Печерского монастыря титулом архимандрита исходила не от церковных иерархов, патриарха или митрополита, а от княжеской власти. На это, по его мнению, указывает, во-первых, традиционно тесная связь киевских монастырей с Рюриковичами, а во-вторых, конфликт митрополита Константина II с игуменом Поликарпом. Киевскую архимандритию он рассматривал как институт, порожденный «внутренней жизнью древнерусского города» и «противопоставленный митрополиту». Ее учреждение Я. Н. Щапов определял периодом с 1169 (летописное упоминание о конфликте печерского игумена с митрополитом) по 1171 г., уточняя, что это было «время после смерти Ростислава (1068¹⁰), включающее захват Киева войсками Андрея Боголюбского (12 марта 1169 г. — Ю. А.) и княжение Глеба Юрьевича (1169–1171. — Ю. А.) и затем Владимира Мстиславича (1171. — Ю. А.)» [Щапов, 1989, с. 159–160; Щапов, 2004, с. 68].

Мнение Я. Н. Щапова о том, что своим возникновением архимандрития в Киеве была обязана скорее светской власти, нежели духовной, хорошо вписывается в общую парадигму отношений государства и церкви в Древней Руси. Справедливость данной точки зрения ярко иллюстрируют события канонизации святых Бориса и Глеба (1072), преподобного Феодосия Печерского (1108), прославления Мстислава Владимировича († 1132) и Игоря Ольговича († 1147), практика учреждения епархий и замещения церковных должностей [Голубинский, 1901, с. 552–553; Артамонов, с. 371–375]. В то же время, очевидно, что без одобрения (санкции) церковных иерархов — патриарха или митрополита — получение печерским игуменом титула архимандрита не могло бы состояться¹¹.

Обращение к сообщениям Ипатьевской летописи под 6679 (1171) и 6678 (1170) г. дает основания полагать, что архимандрития в Киеве, вопреки приведенным выше мнениям исследователей, возникла не только до 1171 г. (А. Поппэ), но и ранее 1169 г. (Я. Н. Щапов).

Первое сообщение представляет собой рассказ о погребении дорогобужского князя Владимира Андреевича († 28 января 1170 г.), внука Владимира Мономаха: «Того же лѣта исходача престависа кнѣзь Володимиръ . Андрѣевичъ . мѣца генвара въ . ки . и привезоша Вышегороду . Фешдоровы недѣли в патокъ . бѣ бо лежалъ не погребень . нѣколико днѡвъ и

⁹ Аргументацию А. Поппэ принимает А. Ю. Карпов [Карпов, с. 360].

¹⁰ Смерть Ростислава Мстиславича относится к 14 марта 1167 г.

¹¹ Согласно 120-й новелле императора Юстиниана I, право поставления архимандрита принадлежало местному архиерею [Цыпин, с. 577].

посла Глѣбъ кнѣзь . игумена . сѣбя Бѣа Перьскаго¹² монастыра . Поликарпа . и Семеона игумена сѣго Андрѣя . до Вышегорода вела има доправити . Володимира . до Киева . а самъ поѣха на ону сторону . в Городокъ а ѡтуда в Переяславль... наутрѣ же в субботу поидохомъ с Володимиромъ из Вышегорода . Дѣдъ же кнѣзь не пусти . кнагинѣ с мужемъ до Киева . ре^ѣеи како та могу ятры пустити . а пришла ми вѣсть ночью ѡже Мьстиславъ въ Василевѣ . а дружинѣ его ре^ѣа кому вась годно а идеть . ѡни же рекоша ему кнѣже ты самъ вѣдаеши что есмы издѣяли Кианомъ . а не можемъ ѣхати избыють ны . игумень же ре^ѣПоликарпъ . кнѣже се дружина его не ѣдутъ с нимъ . а пусти своеѣ дружины нѣскольکو нѣ кто ни конь доведѣ . ни стага донеса . Дѣдъ ре^ѣтого стагъ и чѣтъ сѣ дѣею . ищѣла по ре^ѣѡто ти попове Мѣнчѣскыи . и игумени . чѣрнѣци . попове Киане сѣ блѣгодарениемъ сѣ блѣгохвалными пѣѣми . положиша и въ монастыри въ сѣмъ Андрѣи . мѣѣца февраля . въ .ѣи . днѣ въ первую недѣлю поста . в субботу»¹³.

Согласно летописцу, князь Глеб Юрьевич незадолго до того, как покинуть Киев в связи с угрозой его захвата Мстиславом Изяславичем, поручил печерскому игумену Поликарпу и настоятелю Андреевского монастыря Семеону организовать погребение своего двоюродного брата Владимира Андреевича. Тело князя, умершего 28 января в Дорогобуже, стараниями вдовы и дружины уже было перевезено в Вышгород, отсюда посланцы Глеба должны были препроводить его в Киев для захоронения в обители св. Андрея. Глеб, по-видимому, хотел воздать должное своему дорогобужскому союзнику, которому он несколько месяцев назад, несмотря на обещание, так и не оказал военной поддержки. Тогда уже тяжело больному Владимиру пришлось в одиночку противостоять вторжению на его земли Мстислава и Ярослава Изяславичей. Теперь оружие было обращено против самого Глеба.

Сложность возложенной на Поликарпа и Семеона задачи состояла в том, что Владимир Андреевич был участником взятия и разграбления Киева в марте 1169 г., организованного владимирским князем Андреем Боголюбским (1157—1174). В результате этих событий из города был изгнан Мстислав Изяславич, а его место занял брат Андрея — переяславский князь Глеб Юрьевич.

Рассказывая о разорении Киева, летописец пишет: «...И грабиша за . б . днѣи весь гра^ѣ Подолье и Гору . и монастыри . и Софью . и Десятинную Бѣю и не бы^ѣ помилования . никому же ни ѡкуду же црѣквѣмъ горащимъ . крѣтъяномъ оубиваемомъ другы^ѣ важемымъ . жены ведоми быша въ плѣнѣ . разлучаеми нужею ѡ мужии свои^ѣ . младенци рыдаху зраще мѣрии своихъ . и вѣаша имѣнья множество . и црѣкви ѡбнажиша иконами и книгами . и ризами и колоколы . изнесоша . всѣ Смолнѣне и Соуждалци и Черниговци . и Шлгова дружина . и всѣ сѣни взѣта¹⁴ бы^ѣ зажьже бы^ѣ и монастырь Печерскыи сѣбя Бѣа ѡ поганы^ѣ но Бѣ мѣтѣвами сѣбя Бѣа съблуде и ѡ таковыя . нужа . и бы^ѣ в Киевѣ на всѣ^ѣ члѣбѣхъ стенание и туга . и скорбѣ не оутѣшимая . и слезы непрѣстанныя . си же всѣ сдѣяша^ѣ грѣхъ . ради нашихъ»¹⁵.

Со времени этих трагических событий не прошло еще и года, поэтому они были хорошо памятли киевлянам. Нетрудно понять, какие чувства должны были испытывать жители Киева к дорогобужскому князю и его дружине. Ситуация усугублялась тем, что в городе уже знали и сочувствовали намерению Мстислава вернуть себе главный стол Руси. На этом фоне росла враждебность горожан к политическим противникам Мстислава, войска которого находились уже на расстоянии одного дневного перехода от Киева («ѡже Мьстиславъ въ Василевѣ»¹⁶). В таких условиях Глеб предпочел оставить город, а его союзник, вышгородский князь Давыд

¹² Так в тексте цитируемого Ипатьевского списка; в Хлебниковском Печерскаго, в Погодинском Печерскаго

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546—548.

¹⁴ Так в тексте цитируемого Ипатьевского списка; в списках Хлебниковском и Погодинском взѣта

¹⁵ Там же. Стб. 545.

¹⁶ Город располагался на реке Стугне, приблизительно в 25 км южнее Киева.

Ростиславич, также активный участник мартовских событий 1169 г., предусмотрительно не позволил вдове Владимира сопровождать тело супруга в Киев. От участия в погребении отказалась и дружина князя. В результате получилось, что некому вести коня с телом Владимира и нести его стяг. Тогда настоятель Печерской обители обратился к Давыду с просьбой о выделении части его дружины для похоронного эскорта, но получил отказ. Это обращение Поликарпа к князю позволяет думать, что именно он, а не игумен Семеон, в монастыре которого должны были хоронить дорогобужского князя, являлся главой миссии, а значит, обладал более высоким социальным статусом.

Второе сообщение посвящено описанию последних дней жизни и смерти бужского князя Ярополка († 7 марта 1168 г.), брата киевского князя Мстислава Изяславича (1167–1170¹⁷, с перерывом): «Ярополкъ Изаслави братъ Мьстиславль . вѣлми болаше путемъ ида не хота братьѣ своей ѡстати и бы^ѣ в Тумащи . и вѣлми нача немощи . и постиже вѣсть Мьстислава за Каневомъ . братъ ти велми неможесть и посла Мьстиславъ къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему . вела има ѣхати къ брату Ярополку река има тако . аще ва Бѣ поиметь брата мое^ѣ да спратавше тѣло его . везите же къ сѣтому Феодору прѣстави же са Ярополкъ сѣъ Изаславль . мѣца марта . въ седмыи днѣ въ днѣ четверто^и середохрѣтно^и не^али . и положиша тѣло его оу сѣто Феодора идеже ему ѡдѣ лежить»¹⁸.

Как сообщает летописец, Ярополк намеревался принять участие в масштабном походе на половцев, который организовал его брат¹⁹, но из-за болезни задержался и был вынужден догонять основные силы. В Тумащи (крепость на реке Стугне) его состояние заметно ухудшилось. Когда эта новость достигла Мстислава, находившегося уже за Каневым, он распорядился, чтобы к больному брату отправились печерский игумен Поликарп и княжеский духовник Даниил: в случае смерти они должны были организовать его погребение. Тот факт, что печерский игумен назван первым, позволяет видеть в нем ответственное лицо. При этом нужно отметить, что хоронили Ярополка не в Печерском монастыре, а в родовой обители св. Феодора в Киеве, учрежденной в 1129 г. дедом покойного — князем Мстиславом Владимировичем²⁰.

Подведем предварительные итоги. По распоряжению киевских правителей печерскому игумену было дважды наказано организовать погребение Рюриковичей, причем ни один из них не был ни ктиторм, ни постриженником Киево-Печерской обители, наконец, ни один из них не был в ней погребен. Подобные случаи не известны в практике погребения князей предшествующего периода. Когда в 1147 г. киевляне убили черниговского князя Игоря Ольговича, его поруганное и обнаженное тело, по распоряжению митрополита (киевский князь в это время находился в Черниговской земле), забирал и отпевал не печерский игумен Феодосий (ранее 1148 — 1156), а настоятель Федоровского монастыря Анания²¹. И хотя Игоря хоронили в фамильном монастыре св. Симеона, поставленном на окраине Киева его дедом Святославом Ярославичем, выбор митрополита понятен: Анания являлся настоятелем обители, где Игорь был пострижен в схиму и подвизался последние месяцы своей жизни²². В случае же с Поликарпом ситуация иная: руководить погребением представителей княжеского рода его обязывало особое, главенствующее положение в иерархии столичных игуменов.

Подтверждение этому находим в пространной редакции Повести о убиении Андрея Боголюбского, которая читается в Ипатьевской летописи под 6683 (1175) г. Этот рассказ

¹⁷ Первый, правда, краткосрочный опыт княжения Мстислава в Киеве относится к 1159 г.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 539.

¹⁹ На стороне киевского князя сражались чернигово-северские, переяславские, волынские, туровские и городенские полки.

²⁰ «Того же лѣта заложил Мьстиславъ . цркъвь камену сѣто Федора . в Киевѣ сѣъ Володимеръ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293).

²¹ «Соуботѣ же свитающии . посла митрополитъ игоумена Унанью сѣто Федора . и приѣха игоумень види нагого . и ѡблече и . и ѡпѣ над ни^и ѡбычныи пѣ^ѣ и везе на конецъ града в манастырь сѣмоу Семеѡну . бѣ бо манастырь... ѡца его . и дѣда еѣ Стослава . тамо положиша» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 354).

²² Не исключено, что Анания был духовным отцом Игоря.

содержит целый ряд вполне конкретных подробностей, которые выдают в составителе непосредственного очевидца описываемых событий. Автор нелицемерно сочувствует Андрею и оплакивает его гибель, при этом обличает вероломство убийц и равнодушие приближенных к князю людей. К числу последних он причисляет игумена Феодула — настоятеля Успенского собора во Владимире, положение которого обязывало своевременно организовать перенесение останков князя и его отпевание. Между тем необходимые распоряжения Феодул отдал только тогда, когда был призван к этому горожанами («рекоша Володимерцы игумену Феодулови»), спустя 6 дней после убийства. Недвусмысленный упрек в адрес высокопоставленного иерарха составитель Повести вкладывает в уста Арсения, игумена Космодемьянского монастыря в Боголюбове, который по собственному почину совершил отпевание князя. Узнав, что тело Андрея уже третий день лежит в притворе церкви, он с горечью восклицает: «И долго намъ зрѣвшмъ на старѣшииѣ игумени и долго сему князю лежати . ѿтомъкни(те ми) (божницу) . да ѿпою надъ нимъ»²³.

Эти слова игумена Арсения — замечательное показание того, что в глазах современника организация погребения Рюриковичей являлась уделом «старейших игуменов», первым из которых во Владимирской волости был Феодул — настоятель главного собора земли. Тогда вышеприведенные свидетельства Ипатьевской летописи о погребении князей Владимира Андреевича и Ярополка Изяславича нужно понимать как указание на «старейшинство» Поликарпа среди игуменов киевских монастырей, которое давал ему сан архимандрита.

Если наши наблюдения верны, то пожалование настоятеля Киево-Печерского монастыря этим званием должно было произойти до 7 марта 1168 г. (кончина Ярополка Изяславича), но едва ли много раньше. В противном случае указание на данное событие, пусть даже косвенное, должно было найти отражение в источниках. Поскольку других прямых хронологических указаний на время возникновения архимандритии в Киеве мы не имеем, остается обратиться к анализу общественно-политической ситуации 60-х годов XII в., апеллируя, прежде всего, к отношениям между светской и духовной властями.

Следуя за Я. Н. Щаповым, зададимся вопросом: кому из киевских князей Поликарп мог быть обязан званием архимандрита? В принципе, необходимую поддержку печерскому игумену могли оказать три князя: Ростислав Мстиславич (12 апреля 1159 — 12 февраля 1161, 6 марта 1161 — 14 марта 1167), его брат Владимир Мстиславич (после 14 марта — май 1167) или их племянник Мстислав Изяславич (19 мая 1167 — 12 марта 1169).

Отсутствие весной 1167 г. в Киеве митрополита (Константин II прибыл на Русь только летом), а также слишком короткое пребывание на столе Владимира Мстиславича делают его участие в деле пожалования печерского игумена Поликарпа званием архимандрита маловероятным. Более вероятно участие Мстислава Изяславича. Здесь есть свои про и contra. С одной стороны, отношения между князем и Печерским монастырем были достаточно доверительными. Известно, что летом 1167 г. в стенах обители проходили трудные переговоры Мстислава с дядей Владимиром Мстиславичем, который подозревался в покушении на власть племянника. Причем любопытно, что в ходе этой встречи киевский князь находился в келье игумена, а его соперник — в «иконмли кельи»²⁴. С другой стороны, время правления в Киеве Мстислава Изяславича было отмечено серьезным конфликтом Поликарпа с митрополитом греком Константином II (1167—1170). Предметом противостояния стал спор о необходимости соблюдения поста в среды и пятницы в тех случаях, когда на них приходились великие

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 591.

²⁴ Там же. Стб. 535—536.

праздники: Господские, Богородичные, Собор 12 апостолов²⁵. В результате, согласно сообщению Лаврентьевской летописи, Константин II «запретилъ Поликарпа игумена Печерского»²⁶. В такой ситуации рассчитывать на «благословение» митрополита было невозможно. Кроме того, в первый год своего княжения в Киеве Мстислав, по всей видимости, был в большей степени озабочен дипломатической подготовкой к большому походу против половцев, нежели церковными делами.

Думаю, что значительно более подходящим временем для пожалования печерского настоятеля достоинством архимандрита следует считать период киевского правления Ростислава Мстиславича. Во-первых, имеется прямое указание летописи на чрезвычайно доверительные отношения, которые существовали между ним и монастырем. В статье 6676 (1168) г. Ипатьевской летописи отмечается, что Ростислав «великую любовь имѣяше . къ сѣѣи Бѣди и къ сѣому ѿцю Феодосью»²⁷. Князь положил за правило каждую субботу и воскресенье Великого поста приглашать к себе на обед 12 печерян и их настоятеля, а в Лазареву субботу собирать уже всю братию («все печеряны вѣзаше»). После скоропостижной смерти черниговского князя Святослава Ольговича († 15 февраля 1164 г.) в беседах с Поликарпом Ростислав неоднократно высказывал желание принять постриг и поселиться в Киево-Печерском монастыре²⁸. Во-вторых, и это не менее важный аспект, Ростислав имел влияние на киевского митрополита грека Иоанна IV (1163/1164–1166), хотя последний и был поставлен на кафедру вопреки его желанию.

Весной 1163 г. из Киева в Константинополь было направлено посольство во главе с боярином Гюрятой Семковичем с целью добиться возведения на митрополию Климента Смолятича, выбранного ее главой собором русских архиереев еще в 1147 г. Однако в низовьях Днепра, в Олешье, Гюрята встретил уже поставленного патриархом митрополита Иоанна IV и царского посла, с которыми и возвратился в Киев. Нового митрополита Ростислав согласился принять ценой богатых даров и уступок со стороны Константинополя. К сожалению, условия этого соглашения нам не известны, поскольку текст в летописи обрывается на речи поверенного Мануила I Комнина: «Посоль же црѣвь молваше Ростиславу . молвить ти црѣвь аще примеша с любовью . блгѣвниѣ ѿ стѣя Софѣя...»²⁹. Но с высокой долей вероятности можно предполагать, что, кроме всего прочего, речь шла о возможности заключения антивенгерского союза. По крайней мере, согласно сообщению Иоанна Кинама, весьма осведомленного византийского хрониста XII в., уже к лету 1165 г. между Киевом и Константинополем такое соглашение было достигнуто³⁰. По нему Русь брала на себя обязательство оказать помощь Византии в войне против венгерского короля Стефана (Иштвана) III [Бибиков, с. 100]. В условиях благоприятной внешнеполитической конъюнктуры Ростислав имел все основания рассчитывать на поддержку своей церковной политики со стороны греческой иерархии. Весьма любопытным в этой связи представляется следующее показание Новгородской первой летописи младшего извода: «В лѣто 6673 [1165]. Поставленъ бысть Илья архиепископъ новгородчкыи от митрополита Иоана, при великом князѣ рустѣмъ Ростиславѣ, марта въ 28, на вербьницю, и прииде к Новугороду мая въ 11 день, при князѣ Святославѣ, а при посадницѣ Захарьи... В то же лѣто ходи игумень

²⁵ Послание преподобного Феодосия Печерского к великому князю Изяславу о заклании животных в день недельный и о посте в среду и пяток // Макарий (Булгаков). История Русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 550 (Приложения). Об истоках этой дискуссии см.: [Виноградов, Желтов].

²⁶ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 354.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 530.

²⁸ Похожее сближение между киевским князем и монастырем наблюдалось лишь в начале XII в. Тогда печерянам удалось добиться содействия Святополка Изяславича в деле канонизации преподобного Феодосия Печерского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 259–260).

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

³⁰ См.: The Deeds of John and Manuel Comnenus by John Kinnamos / Trans. by Charles M. Brand. New York, 1976. P. 177–178; Бибиков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997. С. 131.

Деонисии с любовью в Русь, и повелѣно бысть владыцѣ архиепископство митрополитомъ. Тои же зимѣ преставися. Тои же зимы бяше силныи морозы»³¹.

Как следует из текста статьи, между хиротонией новгородского владыки Ильи-Иоанна, состоявшейся в Киеве 28 марта 1165 г., и пожалованием ему титула архиепископа имела место пауза в несколько месяцев³², которая, как кажется, еще не получила удовлетворительного объяснения в историографии³³. Между тем если допустить, что игумен новгородского Юрьевского монастыря Дионисий прибыл в Киев за митрополичьим «благословением» осенью или в начале зимы 1165 г., а это соответствует летописной хронологии событий («Тои же зимѣ преставися. Тои же зимы бяше силныи морозы»), то напрашивается вывод о наличии причинно-следственной связи между заключением русско-византийского союза против Венгрии (весна — начало лета 1165 г.³⁴) и пожалованием новгородского владыки саном архиепископа. Полагаю, что это пожалование было одной из уступок Константинополя, которой Ростислав добился во время переговоров с послом императора Мануила I Комнина. Такой же точно уступкой могло быть и согласие Иоанна IV возвести в сан архимандрита настоятеля Киево-Печерского монастыря Поликарпа, которое, следовательно, нужно относить к лету — осени 1165 г.³⁵ В первом случае Ростислав рассчитывал на укрепление своих позиций в Новгороде, где в течение уже почти 10 лет (с 1157 г., с перерывом) сидел его старший сын Святослав³⁶, а во втором — на поддержку столичного монашества.

Но если Поликарп действительно был пожалован званием архимандрита в 1165 г., то возникает вопрос, почему при описании событий 1168 и 1170 г. он именуется исключительно «игуменом» («къ игумену Поликарпови», «игумена . сѣбя Бѣа Перьскаго манастыра. Поликарпа», «игуменъ же ре^ѣ Поликарпъ»). Полагаю, что причиной тому был «запрет», который наложил на печерского игумена новый киевский митрополит Константин II. Сообщение о нем читается в Лаврентьевской летописи под 6676 (1168) г. в связи с разграблением Киева коалицией князей, созданной Андреем Боголюбским: «Се же здѣяса за грѣхы ихъ . паче же за митрополичу неправду. в то бо время запрѣтилъ бѣ Поликарпа игумена Печерьского . про Гѣдьскыѣ праздникы . не вела ѣму ѣсти масла ни молока . въ среды. и в паткы . въ Гѣдьскыѣ празьдники»³⁷.

В литературе летописный «запрет» имеет двоякую интерпретацию. Согласно одной точке зрения, его следует понимать как распоряжение митрополита заточить Поликарпа. Таковую трактовку предлагают составитель Никоновской летописи³⁸, В. Н. Татищев³⁹, митрополит Макарий (Булгаков) [Макарий, с. 303] и некоторые другие исследователи [Голубинский,

³¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 219.

³² Краткий обзор мнений о времени и обстоятельствах возникновения архиепископии в Новгороде см.: [Халявин].

³³ Не думаю, что эта «задержка» в несколько месяцев произошла по причине желания митрополита посоветоваться с патриархом или «взять паузу для размышления» [Назаренко, с. 69–70].

³⁴ По мнению М. К. Юрасова, переговорам в Киеве предшествовал захват византийской армией под командованием Иоанна Дуки «в первой половине 1165 г. Боснии и Далмации» [Юрасов, с. 24]. Между тем помощь против венгров была обещана послами русских князей, в том числе и послом Ростислава Мстиславича, еще в 1164 г., во время переговоров в ставке Мануила I Комнина на Нижнем Дунае, о которой упоминает Лаврентьевская летопись под 6672 (1164) г. [Мошин, с. 349–350].

³⁵ Отмечая, что у «русских князей того времени не было никаких причин воевать за интересы Византии на Среднем и Нижнем Дунае», М. К. Юрасов справедливо предполагает, что «скорее всего, посол Мануил Комнин чем-то заплатил за обещание Ростислава Мстиславича... послать свои полки на помощь “империи ромеев”...» [Юрасов, с. 24].

³⁶ Отношения Святослава с новгородцами складывались непросто. Об этом свидетельствует «поряд» между Ростиславом и представителями Новгорода, который был заключен в Луках за несколько недель до смерти киевского князя, где новгородцы целовали крест «на то^ѣ. якоже имѣ имѣти сѣа его (Ростислава. — Ю. А.) собѣ кнземъ а инога кнѣза не искати . оли са с ни^ѣ смрътю розлучити» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522).

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354.

³⁸ «Того же лѣта Константинъ митрополитъ Киевский и всеа Руси заточи Поликарпа игумена Печерскаго манастыря про Господьскія праздникы...» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 236).

³⁹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1774. Кн. 3. С. 161.

1881, с. 405; Доброклонский, с. 71]⁴⁰. Согласно другой, печерский настоятель был подвергнут не заключению, а церковному наказанию, епитимии [Поппэ, с. 459; Карпов, с. 360]. В действительности, как мне кажется, ни то, ни другое из текста источника вовсе не следует, летописец лишь сообщает о причине и факте наказания Поликарпа, не поясняя, в чем именно оно состояло. Митрополит «запретил», то есть наказал «Поликарпа игумена Печерьского»⁴¹. Последующие слова («не вела кѹму ѣсти масла ни молока . въ среды. и в паткы . въ Гѣдъскыѣ празьдники») являются пояснением, в чем была суть обозначенного конфликта, но никак не указанием на епитимию в виде соблюдения поста.

Таким образом, учреждение архимандритии в Киеве следует относить к лету — осени 1165 г., что стало возможно во многом благодаря оформлению русско-византийского союза, направленного против Венгрии. Для Ростислава Мстиславича, княжение которого иногда определяют как «последний блестящий период в истории киевской Руси» [Поппэ, с. 491], это означало получение действенного рычага влияния на митрополию, а также обеспечение серьезной поддержки своей политики со стороны столичного монашества. Однако после смерти князя (14 марта 1167 г.) в результате конфликта с митрополитом Константином II печерский игумен Поликарп был *de iure* лишен сана архимандрита (1167 — начало 1168 г.), но продолжал оставаться им *de facto*, о чем свидетельствует его руководящая роль в организации погребения Ярополка Изяславича (март 1168 г.) и Владимира Андреевича (февраль 1170 г.). С приходом на митрополию Михаила II летом 1171 г. звание архимандрита был официально возвращено Поликарпу, что нашло отражение в летописном сообщении о его кончине: «Въ то же лѣтѣ . престависа блжны анхимандрить . игоумень Печерьскои . именемъ Поликарпъ . мѣца июна . въ . кд . днѣ . въ днѣ сѣоу мчѣкоу . праздника Бориса . и Глѣба . и спратавшѣ тѣло его . погребоша с конѣчными гѣми . якоже самъ заповѣда»⁴².

И наконец, последнее, тот факт, что печерский настоятель распорядился похоронами Рюриковичей, позволяет осторожно предположить, что он был действительным, а не титулярным архимандритом. Однако это наблюдение нуждается в дополнительной аргументации.

Литература

- Артамонов Ю. А. «Гипотезы, выстроенные на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. М., 2013. № 1–2 (29–30). С. 361–387.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бибиков М. В. *Byzantinorossica*. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I.
- Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2014. Т. 3. № 1. С. 43–71.
- Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1881. Т. I. Вторая половина тома.
- Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. I. Первая половина тома.
- Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской церкви. М., 2001.
- Карпов А. Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016.
- Литвинова Л. В. Игумен // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 168.
- Макарий, митр. *Московский и Коломенский*. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 2.
- Мошин В. А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 309–357.
- Назаренко А. В. Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.

⁴⁰ По всей видимости, к этой мысли склонялся и М. Д. Приселков, который писал: «Влиянию князя Андрея (Боголюбского. — Ю. А.) нужно приписать освобождение игумена Печерской обители Поликарпа от “запрещения” митрополита...» [Приселков, с. 220–221].

⁴¹ В данном случае глагол «запрѣтити» использован в значении ‘наказать’ (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 278).

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 626–627.

- Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 441–497.
- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
- Соколов И. И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины XI до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003.
- Халявин И. В.* Проблема становления новгородской архиепископии в трудах отечественных историков // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 23–29.
- Цыпин Владислав, прот.* Архимандрит // ПЭ. М., 2001. Т. III. С. 577–578.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Щапов Я. Н.* Архимандрития // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 578–579.
- Щапов Я. Н.* Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 66–71.
- Щапов Я. Н., Соколова Е. И.* Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сборник статей / Отв. редактор А. И. Клибанов. М., 1990. С. 40–46.
- Юрасов М. К.* Попытки Мануила I Комнина найти союзников на Руси против Венгерского короля Иштвана III // Проблемы славяноведения. Брянск, 2014. Вып. 16. С. 20–28.
- Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 237–244.